

Глава 1. Эффект кобры

*Заблуждения имеют свою ценность,
но не всегда и не везде.
Не всякий, кто едет в Индию,
откроет Америку.
Эрих Кестнер¹.*

В годы английского колониализма в Индии там в одно время развелось много кобр. Чтобы справиться с их нашествием, правительство установило премию за каждую доставленную голову кобры. Предполагалось, что индийцы будут ловить кобр. Но как отреагировали они? Они стали выращивать кобр для получения премии за их головы. С таким «эффектом кобры» можно встретиться в повседневной жизни повсюду.

Во время нефтяного кризиса в 1992–1994 гг. правительство Венесуэлы хотело сократить потребление нефтепродуктов внутри страны в целях увеличения их экспорта. Поскольку по политическим причинам оно не могло повысить цены на бензин, то в столице страны Каракасе избрали административный способ ограничения автомобильного движения: по четным дням недели разрешалось ездить на автомобилях с четными номерами, а по нечетным – на автомобилях с нечетными номерами. Что сделали венесуэльцы? Они быстро завели по два автомобиля – один с четным, другой с нечетным номером. Похожие сообщения поступали из Афин.

Об изворотливости индивидов

Таких примеров имеется в избытке. Административное регулирование квартирной платы вводится для защиты квартиросъемщиков от ее чрезмерного роста. Но это снижает заинтересованность домовладельцев строить новые квартиры и в результате становится труднее их найти. Тот, кто имеет квартиру – защищен таким регулированием; тот, кто не имеет – не защищен. Как сооб-

---

¹ Кдстнер Erich (1899-1974) – известный немецкий детский писатель.

щали из Австрии, процесс пошел еще дальше. Не плохо обеспеченные менеджеры, художники и профессора для престижа имеют квартиру в Вене, несмотря на то, что места их профессиональной деятельности находятся далеко за пределами столицы. Квартиры пустуют, так как из-за низкой арендной платы их нет смысла сдавать. Предложение квартир резко сократилось. Но ведь контроль над арендной платой был введен не для этого.

Распределение мест в вузах по специальностям, пользующимся повышенным спросом, посредством Центральной службы предоставления учебных мест, находящейся в Дортмунде, привело к уменьшению предложения таких мест, так как они стали распределяться и между теми абитуриентами, которые во время ожидания в очереди по различным причинам передумали поступать на данную специальность. Из-за этого приходится проводить второй раунд распределения и в результате некоторые получали желаемые места уже во второй половине семестра. Кроме того, такой порядок заполнения студенческих мест побуждает университеты уменьшать их предложение.

Если бюрократия начнет заведовать песком в Сахаре, то и там он будет дефицитным благом.

В рассмотренных случаях политики не достигали поставленных целей. Люди выбирают такой вариант поведения, который позволяет обходить установленные политиками правила. Для многих это становится нормой жизни, как для бравого солдата Швейка, который в соответствии со своей манерой исполнения законов всегда находил лазейку, чтобы истолковывать приказы в своем смысле: «Осмелюсь доложить, господин обер-лейтенант, все в порядке; только кошка набезобразничала, сожрала канарейку!»²

В искусстве экономического выживания люди вынуждены прибегать к всевозможным выдумкам. Крестьянская изворотливость основывается на фантазии и дерзости; приходится быть хитрым, как лиса, смотреть на вещи трезво, ловко находить выгодные решения, быстро использовать малейшие шансы. Эти черты формировались исторически; можно вспомнить о суровых условиях сельскохозяйственного производства в некоторых местностях Германии таких, как суровые швабские Альпы или крайне бедный Западный лес. Чтобы как-то облегчить собственную судьбу в та-

² Гашик Я. Приключения бравого солдата швейка. М. 1977. С. 118.

ких условиях, нужно было смотреть дальше узкого горизонта текущего производства, познавать и использовать все возможности в свою пользу.

В современной экономической теории мы обозначаем это термином «ассоциативные способности». Это относится к тем, кто хитрит и так ловко ведет свою деятельность, что несколько улучшает свое существование, не нанося ущерба другим, как, например, в «Магребских историях»³ Грегора фон Реццори⁴: «Каждый товар имел по 6 цен: для бедных, для богатых и для иностранцев; в свою очередь эти цены различались для умных бедных и глупых бедных, для умных богатых и глупых богатых, для умных иностранцев и глупых иностранцев».

Если нельзя исключить недобросовестности отдельных лиц, в процессе их взаимодействия через рынок, то это тем более не достижимо во взаимоотношении индивида с представителями коллективов и государственной власти. Между отдельными производителями и государственными чиновниками, между предприятием и служащими, между гражданами и министром финансов, или более конкретно, между налогоплательщиками и финансовым ведомством, между бюро по трудоустройству и безработными, между службой социальной помощи и ее получателями, между каждым экономическим агентом и государством существует широкое поле для возникновения «эффекта кобры», под которым подразумевается стремление людей обойти правила, устанавливаемые политиками. Прежде всего, это считается допустимым и совершенно легальным поведением в теневой экономике взаимного оказания услуг (Do-It-Yourself), особенно в сельских местностях между членами общин. В Италии в системе национального счетоводства *economia sommersa* (подпольное производство) официально добавляется к ВВП в виде экспертно определяемого процента. Широко распространенным уклонением от правил является занятие личными делами во время работы на предприятиях и в учреждениях. Политики охотно говорят о «злоупотреблениях», когда люди ведут себя не так, как они себе это представляли в момент разработки законов. Однако в действительности люди действуют в соответствии с теми побуждениями, которые обусловлены проводимой политикой. В игре Дави-

³ «Maghrebinischen Geschichten» – литературный бестселлер в послевоенной Германии.

⁴ Gregor von Rezzoris (1914-1998) – писатель, родился в Румынии.

да с Голиафом они, прежде всего, хотят получить свободное пространство, в котором можно хозяйствовать по своему усмотрению без опеки государства.

В экстремальной форме описанная ситуация существует в авторитарных государствах и особенно при диктатуре, когда самостоятельность индивида существенно ограничена, пространство свободы сведено к минимуму и выход за его пределы опасен для жизни. Так во времена Веймарской республики артист кабаре должен был прикидываться шутом (как это делал Фридрих Луфт) для того, чтобы вообще иметь возможность выступать перед публикой с остро критическими репликами, которые сходили с рук, несмотря на присутствие партийных контролеров. Впечатляющее это было описано Вернером Финком⁵, когда кабаретист спрашивает агента, тайно записывающего его выступление: «Не слишком ли быстро я говорю? Поспеваете Вы за мной? Или я должен следовать за Вами?»

Будучи строго контролируемыми обществами, диктаторские режимы закрыты внутри и снаружи. В экстремальных случаях такие государства отгораживают граждан стеной, так как даже при малой открытости внешнему миру люди начинают проявлять неповиновение. Когда такие ограничения свободы становятся невыносимыми, тогда граждане «голосуют ногами». Человек покидает свою страну. Если «вентиль» наружу открыт достаточно широко, то система может рухнуть. Именно это случилось с коммунистическим централизованно планируемым хозяйством (ГДР), когда венгерское правительство 19.08.1989 г. открыло границу для восточногерманских граждан, выезжающих в отпуск.

Чего не могут знать политики

Обратимся снова к многочисленным экономическим проблемам, которые неотделимы от вопросов свободы граждан и области их экономической самостоятельности. Основополагающая проблема состоит в том, что государственный деятель, даже имея самые добрые намерения, встречается с большими трудностями, когда устанавливает правила для большого числа людей. Он располагает только самой малой толикой информации о том, как прореагируют граждане на новые правила.

---

⁵ «Alter Narr - Was nun?», Berlin 1972, S. 62.

В экономической теории эта ситуация описывается моделью принципал–агент. Принципал устанавливает правила; на это он уполномочен либо демократическим волеизлиянием, либо, как в старину, в силу своей власти правителя. Агенты – граждане – должны действовать в рамках установленных правил. Цель правителя – ввести такие правила, чтобы соблюдающие их люди вели себя в соответствии с его желаниями. Следовательно, при выработке правил принципалу нужно предвидеть, как люди будут реагировать на их введение. При этом принципал должен представлять, какие цели преследует отдельный индивид, под давлением каких обстоятельств он находится, с какой поддержкой или с каким противостоянием он прореагирует на вводимые правила. Применительно к взиманию налогов эта проблема лучше всего выражена знаменитым высказыванием Кольбера: «Сбор налогов – это ошпыливание гуся таким образом, чтобы получить как можно больше перьев при минимальном шипении».

Следующая проблема состоит в том, что государственный деятель при установлении правил обладает лишь ограниченной информацией о состоянии дел в отдельных областях народного хозяйства. Он знает очень мало или ничего не знает о ситуации в отдельных предприятиях; он либо вообще не может представить себе, какова там обстановка, либо представляет ее очень приблизительно. В Германии около 3 млн. предприятий производят продукцию, инвестируют и обеспечивают занятость. Условия хозяйствования на них существенно различаются в зависимости от того, является ли предприятие большим или малым, возникло оно недавно или функционирует много лет, производит ли оно на экспорт или на внутренний рынок, выпускает промышленную продукцию или оказывает услуги, расположено ли оно в большом городе или в сельской местности, предлагает ли оно на рынке пиццу или программное обеспечение. То, что устанавливает государство, должно распространяться на всех. Есть основания сомневаться в том, что член парламента или специалист министерства имеет представление о состоянии экономики всего множества предприятий. Еще меньше можно быть уверенным, что он знает, как будут действовать его постановления.

Существенные различия имеют также 80 млн. потребителей Германии; не у всех одинаковые предпочтения и возможности удовлетворения своих потребностей. Государственные учреждения не

могут предвидеть фантазии 80 млн. покупателей. Аналогичная ситуация возникает, когда преподаватель вуза узнает о многообразии ассоциативных способностей отдельной личности посредством проведения в большом университете курсового экзамена для 800 студентов по, так называемым, «тестам» (Multiple-Choice-Task). В этом случае экзаменационные вопросы должны формулироваться так, чтобы экзаменуемый однозначно ассоциировал с текстом задания правильный по мнению преподавателя ответ. Тем самым поощряются средние или «нормальные» ассоциации. Двойку получают те, кто думает несколько глубже, кто принимает в расчет дополнительные условия, при которых ответ будет другим, но эти условия в тексте задания не сформулированы из-за того, что задание станет слишком сложным для других. Точно такие же проблемы возникают при установлении норм экономического поведения. Между государством и первичными экономическими ячейками информация распределена ассиметрично; поэтому государство не может предвидеть, каков потенциал уклонений участников рыночных сделок в народном хозяйстве. Следовательно, устанавливаемые правила не должны быть сложными и они не должны меняться от случая к случаю.

Сказка о короле Вупла

Недостаток информации у творцов экономической политики и самостоятельное поведение участников рыночных сделок приводят к тому, что возникают последствия, которые заранее не были просчитаны политиками. Об этом говорится в легенде о хорошем короле Вупла⁶, который был обеспокоен высокой ценой хлеба в своем королевстве. Хлеб должен быть доступен всем; хлеб слишком важный продукт и поэтому неважно, что говорит о цене хлеба чистая теория рыночного хозяйства. В конце концов, речь идет о людях. Исходя из этих соображений, король послал своих герольдов провозгласить по всей стране, что цена на хлеб будет ограничена сверху. Такая забота о подданных получила широкую поддержку в народе. Каждый день к королю поступали хвалебные сообщения. Однако вскоре пекари стали роптать: из-за подорожания дров

---

⁶ В рифмованной форме см. O.V. Trebeis, *Nationaloekonomologie*, 7.Auflage, Tuebingen 1994, S. 259.

и труда подмастерьев они стали нести убытки, так как не могли рост издержек переложить на покупателей. Они стали требовать, чтобы мельники снизили цену на муку; в свою очередь мельники стали предлагать меньшую цену крестьянам за зерно. Со временем цена на зерно упала настолько, что крестьянам выгодней стало не продавать его мельнику, а использовать самим, в т. ч. и на корм скоту. Кроме того, вместо зерна они стали выращивать другие культуры. К королю стали поступать сообщения о том, что амбары недостаточно полны, что за хлебом с раннего утра выстраиваются очереди, так как пекари стали выпекать меньше хлеба и его не хватает на всех. Советники короля, забыв о хвале декрету о низкой цене на хлеб, сконцентрировали свое внимание на пустых амбарах. Вскоре добрый король созвал комиссию, которая после долгого анализа пришла к выводу: установление директивной цены на хлеб нарушило действие рыночных законов спроса и предложения; для увеличения предложения королю нужно отказаться от вмешательства на рынке хлеба. (В одном немецком научно-исследовательском экономическом институте ряд сотрудников предлагает снизить ставку процента). По зрелому размышлению добрый король восстановил свободное функционирование рынка, поняв, что в долгосрочном плане это улучшит снабжение его подданных хлебом. Есть современный вариант этой легенды: низкая цена хлеба в бывших коммунистических странах привела к тому, что те, кому повезло купить хлеб – а это было делом случая, – кормили им домашнюю птицу, сокращая доступность хлеба для других людей.

Сложное сплетение экономических зависимостей

Политик, принимающий экономические решения, должен учитывать, что последствия проводимых им мероприятий, – как было в примере с королем Вупла, – могут проявиться в тех местах народного хозяйства, в которых это и не предполагалось. Предположим, что кто-то предлагает защитить европейских производителей компьютерных чипов посредством импортных пошлин или нормирования процента отечественных чипов в готовой продукции. Это нанесет ущерб тем отечественным отраслям экономики, которые используют чипы, прежде всего машиностроению, а следовательно и экспорту Германии; общее сальдо такого мероприятия – народнохозяйственные потери. Или возьмем добровольное самоогра-

нижение европейских покупателей японских автомобилей в 90-х годах XX в., предпринятое для защиты отечественных автомобилестроителей. Сначала целесообразность этого мероприятия всем казалась очевидной. Но вскоре из-за уменьшения конкуренции автомобили в Европе подорожали и японские автомобильные фирмы стали получать на европейских рынках больше прибыли; поэтому они укрепили свои позиции, чего вовсе не хотели инициаторы патристического самоограничения. К счастью, от него быстро отказались.

Часто последствия экономических мероприятий проявляются через достаточно долгий промежуток времени после их осуществления. При этом их проявление во 2-м, в 3-м или 4-м раундах может быть совершенно иным, чем ожидавшийся первичный эффект. Обычно проходит некоторое время прежде, чем чрезмерный прирост количества денег в обращении проявится в росте уровня цен и участники рыночных сделок заметят снижение своей покупательной способности. Во времена существования немецкого Центрального банка (Бундесбанка) это время составляло от 8 до 10 кварталов. Или возьмем налог на машины и оборудование (капитал), о котором снова ведутся дискуссии. Предлагается привязать финансирование расходов по социальному страхованию не к сфере трудовых отношений, а к используемому капиталу. Для многих, кто об этом слышит первый раз, идея кажется привлекательной. Однако предприниматели на это ответят сокращением объема инвестиций и замедлением обновления капитала. Частично они вывезут капитал в те страны, где такой налог отсутствует. Каковы будут последствия? Уменьшится капиталовооруженность труда немецких рабочих и понизится их производительность. Это приведет к снижению заработной платы или, по крайней мере, к замедлению ее роста. Если профсоюзам удастся сохранить заработную плату не тронутой, то возрастет безработица. В итоге финансовая база для финансирования расходов по социальному страхованию сузится. Но приведенный пример имеет продолжение. Известно, что ускоренная амортизация, которая разрешена фирмам, благоприятно отражается на инвестициях; но эта зависимость проявляется лишь тогда, когда стоит вопрос, обновлять ли оборудование. При увеличении налога на капитал этот вопрос становится не актуальным и положительного воздействия ускоренной амортизации на экономический рост и занятость не будет.

Еще более долговременное воздействие имеют ограничения на увольнение, призванные гарантировать трудящимся их рабочие места. На первый взгляд такие ограничения не имеют отрицательных последствий; они направлены на решение одной из главнейших экономических задач – обеспечение высокого уровня занятости. Но когда предприятие окажется в кризисном состоянии, будь то из-за конъюнктурного спада, изменения отраслевой структуры экономики или вследствие специфических трудностей бизнеса, то обнаружится, что фирма не может освободиться от излишней рабочей силы или это будет связано с большими социальными выплатами. Из-за системы ограничений на увольнение труд превращается в квази-постоянный фактор производства, что препятствует выходу из кризиса. В будущем при каждом решении об увеличении занятости предприниматель примет во внимание, что это повышает постоянные затраты. При выборе между дополнительным оборудованием и дополнительным трудом предпочтительным окажется оборудование. Так защита рабочих мест систематически снижает спрос на труд, увеличивая безработицу.

Проявление последствий экономических мероприятий в тех сферах, где это не предполагалось, или позднее, чем ожидалось, является следствием сложного сплетения экономически взаимозависимых многочисленных и разнообразных событий, в которых взаимодействует большое число участников. В связи с этим экономисты создали теорию общего экономического равновесия, в которой учитываются отмеченные взаимозависимости и которая позволяет понять, как в народном хозяйстве шаг за шагом развиваются отдельные мероприятия или экзогенные импульсы. Тем самым обращается внимание на то, что нужно рассматривать экономическую систему в целом. При краткосрочном и частичном анализе экономической действительности многое остается в тени. Поэтому, несмотря на несовершенство модели общего экономического равновесия, она позволяет отражать реальность. Основная ее идея: все зависит от всего.

В естественных науках также установлено, что незначительное само по себе действие, повторенное определенное число раз, со временем усиливается настолько, что выводит систему из равновесия, как, например, нефтяное пятно, проникающее в грунтовые воды. Похожее происходит в народнохозяйственной системе. Так, на рынке труда Германии незначительное для отдельного предпринимателя

событие, умноженное на три миллиона (примерно столько предпринимателей в Германии), может сильно изменить конъюнктуру; соответственно действует мало заметное для отдельного рабочего изменение в условиях найма, будучи повторенным 34 млн раз (примерное число работников). К тому же действие может быть усилено за счет эффекта синергизма. То, что в экологической системе все взаимосвязано, сегодня является само собой разумеющимся даже для шестиклассников. Народное хозяйство тоже является сложной системой, в которой каждое изменение сопровождается множеством различных эффектов. Экономисты их называют издержками последствий. Как не раз будет показано в этой книге, они играют важную роль. Поэтому на каждом пакете экономических мероприятий должно быть официальное предупреждение: «Спрашивайте политиков о побочных эффектах».

Под понятиями «проблема принципал–агент», «риск недобросовестности», «теория стимулов» и «асимметричное распределение информации» в экономической теории скрывается широкая палитра примеров, иллюстрирующих, как при введении институциональных норм возникают ложные стимулы. Завышенные цены на сельскохозяйственную продукцию ведут к ее перепроизводству (Западная Европа), заниженные цены – к недопроизводству (бывшие страны с централизованным планированием производства); контроль за квартирной платой снижает предложение жилья, фальшивые стимулы на рынке труда создают безработицу.

Взмах крыла мотылька

Иногда равновесие настолько хрупко, что достаточно минимального толчка, для того, чтобы возникла совершенно новая ситуация. Это та последняя капля, которая переполняет бочку, или часто цитируемый взмах крыла мотылька, разрушающий всю конструкцию. Примером может служить уже упоминавшееся открытие границы Венгрии у станции Сопрон, которое привело к падению ГДР, а затем и всей коммунистической системы в Восточной Европе. Другой пример – «бостонское чаепитие», послужившее толчком к американской революции. Толчком к революции во Франции явилось банкротство ее финансовой системы 16 августа 1788 вследствие хронического дефицита государственного бюджета и роста задолженности государства. Во всех этих случаях общественные

системы рухнули молниеносно, мощно и всеобъемлющи. Но не только революции переворачивают ожидания, стимулы и оценки; это происходит и при менее серьезных изменениях, например при переоценке валюты на финансовых рынках.

Наряду с ожиданиями может измениться господствующая парадигма окружающей действительности и тогда люди начинают по-новому ориентироваться. Непонятное объясняется на основе новых предпосылок. Тогда опыт прошлого уже нельзя линейно экстраполировать в будущее. Проекция на основе статистической регрессии больше не помогает. На обломках старой системы возникают новые взаимозависимости.

Эти обстоятельства необходимо учитывать экономистам-теоретикам: экономические модели, призванные описывать и объяснять общественные структуры, должны содержать пороговые величины, при достижении которых количество переходит в качество и структуры модифицируются. Взаимозависимости в экономической системе не детерминированы, а обладают существенной неопределенностью; они могут стохастически меняться шаг за шагом, пока полностью не изменятся. При таком подходе силы, выводящие систему из равновесия, заслуживают не меньшего внимания, чем силы, поддерживающие его.

Для политиков времена таких переломных ситуаций очень рискованны, так как прошлое не может больше служить образцом будущего. Преобразования легко могут обернуться против власти имущих. Одновременно политик получает шанс использовать ситуацию в свою пользу. Бисмарк изображал это следующим образом: «Мировая история не подъезжает к своим великим событиям, как поезд, с постоянной скоростью. Нет, она движется вперед рывками, но с неопределимой мощью. Нужно лишь всегда следить за тем, не виден ли господь бог за шествием истории, и тогда подскокить и зацепиться краешком плаща, чтобы тебя унесло настолько, насколько нужно».

Устанавливать правила с позиций индивида

До сих пор постоянно обращалось внимание на то, как индивид реагирует на правила и как в связи с этим они должны разрабатываться. При этом один из основополагающих вопросов звучит так: действительно ли и в какой мере законодатель (принци-

пал) представляет интересы индивидов, насколько он легитимен? Анализ диктаторских режимов показывает, что модель принципал-агент неверно отражает действительность, ее основы слишком узки. Политик, в конечном счете, не является принципалом. Принципалом или сувереном являются граждане, перед которым политик в ответе.

Такой взгляд ведет к далеко идущей интерпретации правил общественной системы: они возникают в результате длительного эволюционного процесса посредством добровольного соглашения между индивидами. Граждане передают право принятия решений общественным институтам, если это представляется им более эффективным. Когда существуют правила, определяющие порядок переговоров и сделок, то снижается неопределенность относительно возможных стратегических вариантов поведения контрагентов. Транзакционные издержки снижаются, например, когда достигается согласие о деньгах как всеобщем средстве платежа, или о принципах выполнения договоренностей. Права собственности и пользования – это важнейшие институциональные правила, устраняющие в рыночных сделках неопределенность и дающие возможность участникам торга определять полезность и альтернативные затраты. Такую же роль играет конституция, которая создает и поддерживает единство государства и его граждан. В результате возникает центр, уполномоченный принимать решения, касающиеся отдельных граждан, т. е. власть. Эта власть нуждается в контроле.

Вы не можете все время водить людей за нос

Люди имеют определенное представление о том, как действует тот или иной инструмент экономической политики. Индивид всегда тщательно оценивает то, с чем он встречается. Таков исходный пункт теории рациональных ожиданий, за которую американский экономист Роберт Е. Лукас в 1995 г. получил нобелевскую премию. В соответствии с этой теорией участники рыночных сделок имеют представления о том, как протекают рыночные процессы. Поэтому люди могут себе представить, к какому результату эти процессы придут. Когда в модели предполагается, что такие предвидения совершенны, тогда последствия экономической политики оказываются полностью учтенными участниками сделок. Если, например, количество находящихся в обращении денег будет чрез-

мерно увеличено, то экономические субъекты будут ожидать инфляцию. В текущем периоде они постараются не продавать материальные ценности, придерживая их на будущее. В результате предложение материальных активов снизится, и цены действительно возрастут. Кредиторы будут требовать повышенной номинальной ставки процента. И если в такой ситуации политики будут настоятельно просить граждан сохранять уверенность в будущем, то граждане насторожатся. Политик должен себе представлять, что участники рыночных сделок подойдут к его призывам и действиям со скепсисом рациональных ожиданий. Это означает, что его поле действий ограничено. Как заметил еще Авраам Линкольн: «Вы можете дурачить отдельных людей все время и можете некоторое время дурачить всех людей, но Вы не можете все время обманывать всех людей». Политик окажется в трудном, если не безнадежном положении, когда общественность утратит доверие к его словам; тогда его речи звучать в пустоте, они воспринимаются как демагогия, как пелена слов.

«Aus Frack nit» (делать назло) называется это в Кельне с использованием старогерманского слова «vras», что в старину означало «мечь». Так поступают, когда не хотят вести себя так, как ожидает другой. В роли такого другого может оказаться политик, который потерял доверие к себе и не следует больше воле граждан. Он играет медведю танцевальную музыку, а медведь не танцует.

Сделать правильный выбор между верными и ошибочными стимулами – основная проблема экономической политики. От него зависит, правильно ли будут установлены указатели. С проблемой стимулов мы встречаемся повсюду: при налогообложении, в медицинском страховании, при выплате пособия безработным и материальной помощи бедным. И прежде всего, когда речь идет о производственных и инвестиционных стимулах, о разработке каркаса народного хозяйства, определяющего спрос на рабочую силу; здесь ошибочные решения имеют особенно тяжелые последствия.